

РОУЗ МАКГОУЭН

СМЕЛАЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 791:929
ББК 85.374(3)-8
М 15

BRAVE

Rose McGowan

Печатается с разрешения издательства HarperOne,
an imprint of HarperCollins Publishers,
195 Broadway, New York, NY 10007
Designed by Yvonne Chan

Макгоуэн, Роуз.

М 15 Смелая / Роуз Макгоуэн ; пер. с англ. Н. Селянцевой,
К. Игнатьева. — Москва : Издательство АСТ, 2019. —
288 с. — (Современные биографии).

ISBN 978-5-17-109470-6.

Книга «Смелая» — это голос поколения смелых женщин, которые не боятся говорить о давлении со стороны общества, об изнасилованиях и о домогательствах.

УДК 61
ББК 5

ISBN 978-5-17-109470-6.

© Наталья Селянцева, перевод
© ООО «Издательство АСТ»
© Rose McGowan, 2018

Дорогой читатель!

При переводе этой книги на русский язык мы старались сохранить яркие речевые обороты, которые использовала автор в оригинале, и особенности ее стиля изложения, чтобы вы смогли пережить ее опыт. Некоторые фрагменты могут показаться странными или непоследовательными, но именно так, под влиянием эмоций, автор рассказала свою историю всему миру.

От автора

Моя жизнь всегда состояла из крайностей. Смелая, книга, оказалось, ничем не отличается. Пока я ее писала, меня взломали, за мной следили, шпионили, крали части рукописи. В мою жизнь проникли израильские шпионы и преследующие меня адвокаты, одни из самых чудовищных на земле. Злые люди преследовали меня на каждом шагу, пока я воскрешала призраков, которые скрывали мои секреты. Я могу только сказать: книга стала чрезвычайно напряженным, невероятным поступком, который потребовал серьезной подготовки. Другого выбора никогда не было. Правосудие восторжествует.

Так и было. Я безмерно горжусь тем, что приложила руку к глобальной катастрофической расплате и искоренению монстров. Я искренне считаю, что победа одного из нас — это победа для всех нас.

Несколько лет назад я поняла, что общество необходимо воспламенить Историей, поэтому я начала высказывать свое несогласие. Я решила открыто бороться с машиной, производителями мифа, самими газлайтерами, священными мужами Голливуда. Слишком долго они были на вершине и скрывались от возмездия за преступное поведение. Я хотела сделать так, чтобы невозможно было отвернуться. И тогда прошли выборы в США, сделав сексизм понятием, которое стало гораздо труднее отрицать; они открыли путь к очевидной истине тем, кто так долго закрывал на нее глаза.

В начале 2017 года я проработала над «Смелой» в течение нескольких месяцев, когда начала общение с двумя журналистами-расследователями. Пришло время. История приняла много поворотов в ходе работы, и я горжусь тем, что приложила руку к началу всемирного разговора.

Так как я и много храбрых выживших выступили, титаны всех отраслей были свергнуты. Мы, выжившие, получили нашу силу. Мы, выжившие, используем наши голоса в рекордных количествах. Мы не можем остановиться, и как бы тяжело это ни было, мы должны становиться еще громче, двигаться вперед еще быстрее. Мы все имеем значение. Мы все важны.

За свободу, твою и мою.

Теперь изрыгни огонь.

PM

Предисловие

«Ты с кем-то рассталась?»

Сначала вопрос меня разозлил. Я сочла его сексистским, стереотипным, приводящим в уныние. Никакие мертвые отношения не заставляли меня так искать свободы, что я изменяла саму себя. Чем больше задавали вопрос о разрыве, тем больше он заставлял меня размышлять о мотивах поступка. Я поняла, что *рассталась* с кем-то. Я рассталась с тобой. Коллективной тобой, общественной тобой. Я рассталась с голливудским идеалом, к которому я сама приложила руку. Идеальная версия «женщины», которая продается каждой актрисой в любой рекламе шампуня, напутствуя: «Вот в чем секрет быть манящей, добиться, чтобы мужчины тебя хотели». Длинные, блестящие волосы по-кардашьяновски, которые твердят: «Трахни меня, здоровяк». Как будто в этом все, что мы есть, и все, что мы можем. Волосы. Волосы, с которыми я рассталась. К расставанию я шла годами; потребовалось много времени, чтобы пробудить меня от сна с промытыми мозгами. Мои длинные волосы всегда доставляли мне неудобство. Они заставляли мужчин смотреть на меня,

пока я настоящая исчезала. Я обычно прикрывала ими лицо, чтобы подглядывать сквозь них, спать под ними. И я спала. Настоящая Роза спала, а фальшивая Роза жила странной альтернативной жизнью, играя роль кого-то, кто играл роли.

Большую часть жизни у меня были короткие волосы. Мне так больше нравилось. Классические кинозвезды и панк-женщины, которыми я больше всего восхищалась, носили короткую стрижку. Мне очень нравилось быть личностью. Мне нравилось выглядеть ни мужчиной, ни женщиной, а кем-то средним. Два периода времени, когда у меня были длинные волосы, были самыми тяжелыми в моей жизни, когда я теряла себя — мои подростковые годы, когда я страдала от бушующего расстройства пищевого поведения, а затем, когда я страдала психическим расстройством под названием Голливуд. Голливудское расстройство длилось гораздо дольше, но в обоих случаях я сталкивалась с отсутствием самой себя. Оба периода управлялись общественной пропагандистской машиной номер один — Голливудом. Мне сказали, что нужно было отрастить длинные волосы, иначе мужчины, которые давали работу в Голливуде, не захотят оттрахать меня, и если они не захотят трахнуть меня, то работы не будет. Об этом мне рассказала моя агент — женщина, что трагично на многих уровнях. Так зло и так грустно. Зло, потому

что я получила информацию от пожилой женщины, которая была рупором того, чего хочет Голливуд. Грустно, потому что она была права. Это сообщение передается для всех женщин и девочек, говоря нам иметь длинные волосы, чтобы мы тоже могли быть сексуальными, но я получила прямое сообщение, как телефонный звонок с горячей линии «чего хочет мужчина».

К черту Голливуд. К черту сообщения. К черту пропаганду. К черту стереотипы.

Если ты Дженнифер Лоуренс, любимый типаж Америки, у тебя просто светлые волосы. Если ты мегера, то они длинные, темные и объемные. Таковы правила, ни шагу в сторону. Мои длинные волосы были красивые, как у участницы конкурса красоты. Меня стригли геи, и я была их ожившей Барби; по крайней мере так они мне говорили. Я не думала, что выгляжу как Барби. Я считала, что я больше похожа на надувную секс-куклу, типа той, что с отверстием для рта. Я превратилась в вершину фантазийной секс-игрушки голливудской машины. Все мужчины и женщины, нанятые, чтобы заставить меня выглядеть как пресловутая фантазийная секс-игрушка, поработали на славу, но я умирала внутри и раздражалась от собственного внешнего вида. Но я не знала, как изменить то, что было неправильно, когда на стольких уровнях моей жизни все пошло наперекосяк.

Я встречаю так много женщин и девушек, которые говорят мне, что их волосы служат защитным одеялом, и они прячутся за ними. Я считаю, что это не просто узнаваемо, а душераздирающе. Конечно, ты можешь иметь длинные волосы, если ТЕБЕ нравятся длинные волосы, но углубись в свои мотивы. Какую роль играет общество в том, чтобы приказать тебе, как выглядеть? Какую роль играют средства массовой информации, приказывая тебе, как выглядеть? И если ты прячешься за волосами, почему ты хочешь прожить жизнь, скрываясь, и от чего ты скрываешься?

Когда я побрила голову, это был боевой клич, но прежде всего мой поступок дал мне ответ на вопрос, который я так ненавидела.

Я с кем-то рассталась?

Да, я рассталась со всем миром.

Ты тоже можешь.

Меня зовут Роуз Макгоуэн, и я СМЕЛАЯ.

Часть первая

Дитя Бога

Вот в чем загвоздка секты: они повсюду.

Если ты любишь семью Кардашьян, ты в секте. Если ты смотришь любимое телевизионное шоу и сидишь в чатах, где все с ума по нему сходят, обсуждаешь эпизод за эпизодом, ты в секте. Если ты запоем сидишь на новостном ресурсе, просматриваешь его, вытягиваешь из него максимум информации, особенно если он объективен, ты в секте. Ты проживаешь жизнь через призму других людей. Если ты вслепую голосуешь «за того-этого», ты в секте. Если ты варишься в котле пропаганды в собственной стране, ты в секте. Оглянись и посмотри вокруг, секта повсюду. Где бы ты ни сталкивалась с коллективным мышлением и коллективной ментальностью: ты в секте, ты в секте, ты в секте.

Первый шаг к освобождению от секты лежит в понимании того, что ты **уже** там. Я знаю, я избавилась от двух наиболее знаковых сект всех времен.

Тем, кто знает меня как актрису, я хочу сказать, что я совершенно другой человек. Я играла роль того, кто играет роли. Меня зажало в капкан строгих общественных идеалов и гендерных ожиданий людей, которых даже не должно было быть рядом со мной. Мне так глууууубоко промыли мозг. Я рано сказала «нет» промыванию мозгов, но голливудский Культ Мышления все-таки добрался и до меня.

Моя жизнь безвозвратно изменилась в день, когда я превратилась в пиксель, лучом долетевший до спутника и назад, разорвавшийся в гостиных, спальнях, жизнях. Моей работой было на время отвлечь тебя от проблем, заставить чувствовать сострадание, вообще заставить чувствовать. Я серьезно относилась к работе. Но, как и в большинстве культов, как женщина, я воспринималась в качестве объекта обладания. Меня продали ради удовольствия публики. Давно запрограммированные мужчины (и женщины) зарабатывали, продавая мою грудь, мою кожу, мои волосы, мои эмоции, мое здоровье, мою жизнь. Меня не воспринимали всерьез и не уважали. Ни бóльшая часть общества, и конечно, ни голливудская секта с ее массово эксплуатируемым комплексом Мадонны/Шлюхи.

Представь, что твоя ценность в компании, где ты работаешь, определяется количеством семени, извлеченным из безымянного множества мужчин.

Ведь ты знаешь, если странные мужички мастурбируют под твои фильмы, ты чего-то стоишь. Как будто про проститутку говорят, да? Ты недалеко ушла.

Представь, что каждое слово, вылетающее из твоего рта почти семнадцать лет, день за днем, месяц за месяцем, точка зрения за точкой зрения, раз за разом, написано за тебя узколобой особью мужского пола. Это за гранью, это глубоко ненормально.

У меня ушло много времени на понимание того, что я была частью другой секты, так как я была слишком занята проживанием жизни других людей, а не своей. Рассказывая историю собственной жизни, я возвращаю ее себе.

Но начнем сначала, правда?

В каменном амбаре крошечного провинциального итальянского городка Гертальдо в руках слепой повитухи, как говорят, я появилась на свет. Есть американская поговорка: «Закрой дверь! Ты в амбаре родилась?» Пожалуй, я не обязана закрывать дверь, если я не хочу. Имею право. Полагаю, иногда ты заклеямен странностью при рождении, и это мой случай.

Амбар стоял во владениях герцога Зоагли, известного как герцог Эммануэль, который передал имущество и земли Божьим детям, войдя в их секту. Его сестра Роза Арианна жила на его территории

и ненавидела членов Детей Бога по соседству. Родители назвали меня в ее честь, Роза Арианна, думаю, чтобы она меня полюбила. Не вышло.

Там, на покатых холмах близ Флоренции, царила неопишуемая красота: темно-зеленые кипарисы и серебряно-зеленые оливы, виноградники и фруктовые сады, огромные терракотовые кувшины, в которых цвела герань. Пожалуй, если приходится быть в секте, то такое место не хуже иных прочих.

Нет, лучше, особенно в раннем детстве. Я видела красоту и знала, что она была необычайной в своей буйности. Я льнула к природе, чтобы сбежать от того, где родилась. В конце концов, меня всегда тянуло к формам, цветам, светлым узорам, и итальянская провинция преследовала меня всю жизнь, но в хорошем смысле.

С раннего детства я помню, что много слышала о жутком старике «Моисее» Давиде Берге, нашем бесстрашном главе Божьих детей. Он присылал свои указания в форме карикатурных брошюр «Письма Мо». Что бы Моисей Давид ни писал, все выполнялось. Каждый раз письмо приравнивалось к слову правителя вселенной. (Примерно как руководитель студии в Голливуде.) И я думаю, как самопровозглашенный пророк Моисей Давид оказался Королем подонков. Но не все об этом знали. Некоторые никогда не узнают.

Я помню много волосатых ног, мужских и женских, как в мультфильмах, где ты видишь только ноги взрослых, потому что ты ребенок. Я помню много песен, молитв, аплодисментов и щелчков. Да, щелчков. Мне рассказывали, что приходилось сидеть на полу весь день и учиться щелкать пальцами, или Бог не научит меня водить машину, когда мне будет шестнадцать. Я не понимала ничего ни про шестнадцать, ни про вождение, но даже тогда я могла определить щелканье пальцами как ключ к чему-то абсурдному.

Одним вечером женщина в белой рубашке, похожая на привидение, зашла в комнату, где сидела я. Она походила на тень со свечой в руках — не было электричества. На улице разыгралась непогода, и я помню, как деревянные ставни стучали по старому стеклянному окну. Я волновалась, что они разобьют окно, но теперь мое внимание отвлекала женщина в белом, сидящая у моих ног. Ветер выл в трещинах камня, и ее было плохо слышно. Ветер утих, она посмотрела мне в лицо и сказала: «Ты впустила Господа в свое сердце?»

Я села, посмотрела на нее, тщательно подумала и покачала головой в знак отрицания.

Женщина щипает меня за ногу и выкручивает кожу. Я не собираюсь плакать, потому что я знаю, что она этого добивается. За такой отказ следовало

наказание. Телесные наказания, пощечины, шлепки, потому что «Учи, пока поперек лавки укладывается, а во всю вытянется — не научишь». Она выкручивает сильнее. Я закусываю губу и не плачу. Я пристально смотрю в ответ, полна тихого отрицания.

Женщина говорит снова, на этот раз на немецком: «Hast du Gott in dein Herz gelassen?»¹

Я думала и отвечала: «Нет. Не сегодня. Попробую завтра».

Она дает мне пощечину. Сильно.

Даже в том нежном возрасте я осознавала, что если я приглашу его в свое сердце, он будет их богом. Он перестанет быть моим богом, которого я бережно охраняла. И их бог был жесток. Их проповеди не несли смысла, действия противоречили словам. Я не хотела жить в такой реальности.

Позже моя младшая сестра Дейзи убеждала меня просто отвечать «да», что было бы легче, но я продолжала получать наказания. Я была, как предсказало имя, колючкой, а сестра — маленькой светловолосой милашкой. Я смотрела на нее и не понимала, как она попала на свой путь и как она не могла понять, куда идет. Странное чувство — расти за этими стенами и слушать, что тебе не место во внешнем мире, и знать, что в стенах тебе тоже нет места.

¹ Ты впустила Господа в свое сердце?

Когда та женщина или иная, или мужчина — все незнакомцы, возвращались вечер за вечером, я повторяла заготовленный ответ: «Нет, нет, я не впустила Господа в сердце».

«Пощечина».

Одним вечером я услышала шепот женщины на немецком и звук ее шагов. Я знала, что мне снова будет больно.

«Нет».

«Пощечина».

Когда она ушла, я увидела, что она оставила на матрасе Библию — все дети спали на тонких оранжевых или голубых пластиковых матрасах. Я спрятала ее Библию за шкафчиком. Каждый день я вырывала из нее по странице, клала кусочек в рот, пережевывала, добавляла еще кусочек и выплевывала слюнявыми каплями. Затем я лепила из комочков Библии крошечных животных. Я прятала их за шкафчиком и время от времени навещала, когда была минутка. Вот мои игрушки, наполовину слюна, наполовину Иисус.

Я представляла себе, что, пережевывая их Бога, я, возможно, могла ответить «Да, я впустила его». Может быть, они перестали бы меня наказывать.

Удары и толчки передавали сообщение, что нельзя быть небезупречной. В возрасте примерно четырех лет у меня вскочила бородавка на боль-